

Евгений Сергеев

Восприятие Германии и немцев в России, 1914–1918 гг.

Изучение насыщенной событиями истории XX в. трудно представить без анализа глубинных процессов взаимодействия этносоциальных факторов, оказавших серьезное влияние на путь, пройденный народами и государствами в минувшем столетии. С этой точки зрения внимание исследователей продолжают привлекать вопросы генезиса и эволюции восприятия иных цивилизаций и обществ, особенно в переломные исторические эпохи.

Именно таким хронологическим отрезком стала Первая мировая война, получившая у современников наименование Великая. Рассмотрению некоторых проблем восприятия Германии и немцев в России на протяжении 1914–1918 гг. посвящено данное исследование. При этом его верхние хронологические рамки не ограничиваются мартом 1918 г., когда большевистское правительство подписало с государствами Четверного союза «грабительский» Брестский мир, а охватывают также период весны – осени 1918 г. вплоть до прекращения военных действий на Западном фронте.

Работы современных историков демонстрируют, что восприятие одним обществом другого, как правило, обуславливается комплексом политических, социокультурных и экономических факторов различной направленности. Однако это восприятие всегда сдвигалось в область негативной рефлексии именно в период открытого вооруженного противостояния, продолжительность и ожесточенность которого, как свидетельствует Первая мировая война, оказывали прямо пропорциональное воздействие на интенсивность отторжения всего, что ассоциировалось у данного сообщества с врагом.¹

Эпизоды, отражавшие распространение антигерманских настроений в среде «верхов» и «книзов» Российской империи, освещались на страницах монографий, статей и диссертаций как зарубежных, прежде всего, немецких, так и отечественных специалистов.²

¹ См., напр.: *Bird J. Control of Enemy Alien Civilians in Great Britain: 1914–1918*. New York, 1986; *Panayi P. (ed.). Minorities in Wartime: National and Racial Groupings in Europe, North America, and Australia during the Two World Wars*. Oxford, 1993; *Farcy J.-C. Les Camps de concentration français de la Première Guerre Mondiale (1914–1920)*. Paris, 1995; etc.

² К наиболее интересным работам, с нашей точки зрения, следует отнести: *Дякин В. С. Первая мировая война и меры по борьбе с так называемым немецким засильем // Научная конференция по истории Первой мировой войны*. М., 1964. С. 115–135; *Strumpf K. Das Schrifttum über das Deutschtum in Rußland*. Tübingen, 1980; *Kabusan V.M. Zahl und Siedlungsgebiete der Deutschen im Russischen Reich // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*.

Поэтому автор видит цель данного исследования в том, чтобы показать генезис негативного отношения к немцам в России, достигшего крайних проявлений в годы мировой войны; проанализировать эти сюжеты на экономическом, политическом и культурном фоне российской общественной жизни того периода; наконец, выявить последствия общенациональной кампании по «борьбе с немецким засильем» для дальнейшего исторического развития нашей страны. Здесь стоит подчеркнуть, что прямое вооруженное столкновение двух империй отнюдь не исключило из российского общественного дискурса 1914–1918 гг. другое, положительное восприятие Германии и немцев, обусловленное уважительным отношением к достижениям немецкого народа в области науки, стремлением учиться и даже подражать немцам в организации производственной деятельности, а также восхищением перед высоким уровнем культуры и искусства западного соседа России. Однако в период Великой войны негативизм занял доминирующее положение в амбивалентном восприятии русскими всего немецкого.³

Основными источниками явились документы из фондов ведущих федеральных хранилищ – Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного

1984. Bd. 32. H. 10. S. 866–874; Kahn H. Die Deutschen und die Russen: Geschichte ihrer Beziehungen vom Mittelalter bis heute. Köln, 1984; Fleischhauer I. Die Deutschen im Zarenreich: Zwei Jahrhunderte deutsch-russische Kulturgemeinschaft. Stuttgart, 1986; Pinkus B., Fleischhauer I. Die Deutschen in der Sowjetunion: Geschichte einer nationalen Minderheit im 20. Jahrhundert. Baden-Baden, 1987; Schulz-Vobach K.-D. Die Deutschen im Osten: Vom Balkan bis Sibirien. Hamburg, 1989; Steenberg S. Die Rußland-Deutschen: Schicksal und Erleben. München, 1992; Schippan M., Striegnitz S. Wolgadeutschen: Geschichte und Gegenwart. Berlin, 1992; Aücsfeld A. Положение колонистов Поволжья в политике германского рейха во время Первой мировой войны // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. М., 1995. С. 190–193; Rothe H. (Hrsg.). Deutsche in Rußland. Köln u. a., 1996; Нелипович С. Г. Репрессии против подданных «центральных держав» // Военно-исторический журнал. 1996. № 6. С. 32–42; Нелипович С. Г. Генерал от инфanterии Н. Н. Янушкевич: «Немецкую пакость уволить, и без нежностей...»: Депортации в России 1914–1918 гг. // Военно-исторический журнал. 1997. № 1. С. 42–53; Соболев И. Г. Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны [автореф. дисс. к.и.н.]. СПб., 1998; Lohr E. Nationalizing the Russian Empire. The Campaign against Enemy Aliens during World War I. Cambridge, MA; London, 2003; Sanborn J. Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War and Mass Politics, 1905–1925. DeKalb, IL, 2003; Савинова Н. В. Российский национализм и немецкие погромы в России в годы Первой мировой войны: 1914–1917 гг. [автореф. дисс. к.и.н.]. СПб., 2008; Fedjuk W. Der Kampf gegen die «deutsche Überfremdung» in der russischen Provinz // Verführungen der Gewalt: Russen und Deutsche im Ersten und Zweiten Weltkrieg / K. Eimermacher, A. Volpert (Hrsg.). München, 2005. S. 95–120; Korowina L. Munition ohne Patronen: Antideutsche Stimmungen und Propaganda in der russischen Armee während des Ersten Weltkriegs // Там же. S. 243–266; etc.

³ О двойственности восприятия Германии офицерами российской армии в начале XX в. подр. см.: Sergejew J. «Diplomaten mit Schulterstücken» und ihre Sicht der deutsch-russischen Beziehungen am Vorabend des Ersten Weltkriegs // Eimermacher K., Volpert A. (Hrsg.). Verführungen der Gewalt. S. 71–94. Свидетельства позитивного отношения к немцам со стороны российской общественности перед мировой войной можно найти в статье: Olejnikow D. Von Ritterlichkeit zu Verachtung: Auswirkungen des Ersten Weltkriegs auf das Verhältnis zu den Deutschen // Там же. S. 179–204.

военно-исторического архива (РГВИА) и Российского государственного исторического архива (РГИА), а также воспоминания очевидцев и эпистолярные материалы.

В начале работы уместно привести некоторые статистические данные, дающие возможность оценить положение, которое занимали этнические немцы в Российской империи. Согласно данным всеобщей переписи населения 1897 г. среди подданных последнего русского царя насчитывалось 1 750 489 лиц немецкого происхождения или тех людей, для которых немецкий язык являлся родным (1,42 % населения). По своим религиозным взглядам 76 % из них являлись лютеранами, 13,5 % – католиками, 3,7 % – менонитами, 3,6 % – реформистами, 1,3 % – иудеями, 1,1 % – протестантами других направлений и 0,75 % – православными.

Из указанного количества «русских немцев» 1 312 188 чел. проживали в европейской части империи, 407 274 чел. – в Царстве Польском, 56 729 чел. – в Кавказском наместничестве, 5 424 чел. – в сибирских губерниях и 8 874 чел. – в Туркестане. 76,62 % являлись сельскими жителями, а 23,38 % были сосредоточены в городах, причем более 50 % – в крупнейших столичных центрах – Санкт-Петербурге, Москве и Киеве.

Относительно социальной принадлежности и видов конкретной деятельности этнических немцев в России имеются следующие данные: 57,7 % трудились в аграрном секторе, 21 % был занят в промышленности, а остальные 21,3 % являлись ремесленниками, работали в торговле или на транспорте. Примерно 50 тыс. «русских немцев» имели ученые степени, 35 тыс. служили по гражданским и военному ведомствам и около 50 тыс. принадлежали к дворянскому сословию или категории почетных граждан. В многочисленных мемуарах современников достаточно часто встречаются упоминания о лицах с немецкими фамилиями, которые занимали видные государственные посты, находились в ближайшем окружении Николая II, являлись дипломатами и военачальниками, крупными предпринимателями и банками.⁴

Учитывая исторические корни, а также роль и место данной этнической общности в социально-политической и хозяйственной структуре Российской империи начала ХХ в. следует, по мнению автора, отнести ее представителей к трем группам:

1. **Балтийские и польские немцы**, которые осели в Лифляндии, Эстляндии, Курляндии и Польше более 500 лет назад, образовав верхний социальный слой в северо-западных российских губерниях, а также Привисленском крае. К началу мировой войны они составляли примерно одну четверть офицерского корпуса и штата высших государственных служащих империи;
2. **Городские средние слои в индустриальном центре страны**, оказавшие значительное влияние на «европеизацию» русского общества и процессы урбанизации России на протяжении XVIII в.; среди них к началу мировой войны выделялись не только лавочники и ремесленники, сколько преподаватели и медицинские работники;

⁴ Schleuning J. Die deutschen Siedlungsgebiete in Rußland. Würzburg, 1955. S. 12.

3. **Сельские колонисты** – выходцы из Германии, компактно проживавшие общинами в Польше, Украине, Поволжье, на Кавказе и в азиатской части империи; к 1914 г. в России насчитывалось до 3 тыс. немецких колоний, членам которых принадлежало в общей сложности 10 млн га сельхозугодий.

Таким образом, статистические данные свидетельствуют о весомой лепте, которую вносили этнические немцы в преумножение национального богатства Российской империи на протяжении более чем двух столетий. Но вот грянула величайшая в истории человечества война, и все заслуги немцев перед новой Родиной оказались забытыми, а их интересы принесенными в жертву суровой необходимости «всеобщего единения подданных вокруг трона державного Вождя».

Свидетели тех далеких дней описывают небывалую волну ненависти и презрения ко всему немецкому, которая поднялась в стране сразу же вслед за объявлением Германией и Австро-Венгрией войны России. Будучи инициированы самим Николаем II и министрами его правительства, эти настроения охватили все социальные слои: от сельских и городских низов до придворных кругов. Каковы же причины столь быстрого перелома в сознании российского общества?

Прежде всего укажем на **идеологический** аспект поставленной проблемы. Речь идет о теоретическом обосновании неприятия Россией западного варианта развития вообще и германофобии как крайнего его проявления в частности, представленном в трудах славянофилов XIX в. Оно получило развитие во взглядах панславистов накануне войны как реакция на деятельность различных националистических обществ в Германии, развернувших на рубеже столетий интенсивную пропагандистскую кампанию под лозунгами создания на российской территории пояса немецких поселений от Балтики через Украину до Азовского моря. Мы имеем в виду, прежде всего, geopolитические проекты Пангерманского союза, находившие реальное отражение на картах, издававшихся в Берлине и изображавших западные губернии царской России как территории, насильственно включенные в состав Германской империи в результате грядущего передела мира.

В этой связи следует также упомянуть закон о двойном подданстве, вступивший в действие 1 января 1914 г. на территории Германии. По этому юридическому акту все этнические немцы, независимо от страны проживания, получили возможность обратиться с прошением о предоставлении им второго, германского подданства, что, естественно, не могло не вызвать болезненной реакции в отношении их статуса в России. Поэтому, видимо, неслучайно представители официальных властей, как, например, особо уполномоченный по гражданскому управлению Прибалтийским краем генерал-лейтенант Павел Курлов, с началом боевых действий открыто призывали царское правительство вынудить этнических немцев «резко отмежеваться от германцев, забыть об общности происхождения, забыть об общности языка и совершенно вычеркнуть из своей памяти родственников, сражающихся в войсках противника».⁵

Определенный вклад в идеологическое обоснование германофобии сделала и Русская Православная церковь, которая рассматривала баптистское и штундистское,

⁵ РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 1051, л. 17–17об.

а также униатское движения в южных и западных губерниях империи, распространяющиеся не только среди немецких колонистов, но и представителей других национальностей, как подрыв своего влияния и экспансию чуждых религиозных концессий на территорию с традиционно православным населением.

Говоря о причинах **политического** характера, отметим растущее недовольство и критику действий Германии и Австро-Венгрии на Балканах со стороны большинства российских государственных и общественных деятелей. Хорошо известно, что аннексия Боснии и Герцеговины империей Габсбургов в 1908–1909 гг. подняла волну негодования в России. Квинтэссенцией опасений в отношении «онемечивания братьев-славян» стала фраза премьер-министра Ивана Горемыкина, произнесенная в августе 1914 г.: «Мы ведем войну не только против Германской империи, но против германства вообще».⁶

Наконец к **экономическим** предпосылкам германофобии следует отнести попытки властей решить наиболее острый вопрос традиционной России – аграрный – за счет земельной собственности процветавших хозяйств немецких колонистов. Именно эти владения наряду с общинными угодьями представляли собой «неприкосновенный запас» или, по хорошо известному выражению Владимира Ленина, «последний клапан» самодержавия в условиях хронического малоземелья и аграрного перенаселения русской деревни в европейской части Российской империи. Впервые о возможности такого решения аграрного вопроса было заявлено еще в 1909 г., когда Государственная Дума усилиями депутатов-националистов приняла закон об ограничении прав земельной собственности для колонистов на территории некоторых губерний.

Начало войны привело в действие и другие, **сituативные** факторы, которые не могли не повысить уровень критического восприятия Германии и немцев в России. Мы имеем в виду, во-первых, пропагандистские усилия союзников по Антанте, преследовавших цель добиться абсолютной изоляции Центральных держав, в особенности Германской империи, для подрыва их экономического потенциала.⁷ Также следует отметить воздействие на общественное сознание неблагоприятного для русской армии хода военных действий весной – летом 1915 г., что нашло наиболее яркое проявление в майских погромах, которые прокатились волной по некоторым городам, главным образом европейской части империи. Так, в Москве с 26 по 29 мая (8–11 июня) разъяренная толпа городских обывателей численностью до 50 тыс. чел. громила предприятия, магазины и дома лиц с иностранными фамилиями при полном бездействии полиции, которая совместно с войсками смогла взять ситуацию под контроль только 29 мая (11 июня). В результате московских погромов и вызванных ими 150 пожаров пострадало 475 торговых предприятий, 207 квартир и домов; жертвами нападавших стали 113 германских и австрийских подданных, а также 489 горожан с иностранными или звучавшими «не по-русски» фамилиями. Статистика погибших и раненых показывает, что в ходе погромов погибло трое иностранцев и 16 самих по-

⁶ Цит. по: *Bordihn F. Die Rechtsverhältnisse und der Rechtsschutz des Auslandsdeutschtums [Diss.]*. Berlin, 1920. S. 60.

⁷ Подр. см.: *Sanders M., Taylor Ph. Britische Propaganda im Ersten Weltkrieg, 1914–1918*. Berlin, 1990.

громщиков. Количество раненых превысило 100 чел. Общая сумма материального ущерба составила более 50 млн руб.⁸ В-третьих, упомянем об увеличении количества германских и австро-венгерских военнопленных на российской территории, которые физически испытывали на себе все ужасы жизни в чужой этносоциальной среде и суровом климате. Согласно довольно противоречивым данным статистики к декабрю 1917 г., то есть времени фактического выхода России из войны, в русском плену находилось около 2 млн солдат и офицеров противника, из которых 160–180 тыс. являлись этническими немцами или австрийцами. К этому количеству следует отнести примерно 250 тыс. гражданских лиц, интернированных царскими властями. Судьба этих людей была особенно трагична, поскольку на их долю выпали тяжелые испытания сначала в годы мировой, а затем и гражданской войн, которые позволили им возвратиться домой только в 1920–1922 гг.⁹

Рассмотрим динамику проявлений германофобии в различные периоды мировой войны. Ее первые недели были отмечены достаточно сдержаным отношением русского правительства к представителям немецкого капитала в империи, если они не являлись подданными Германии или Австро-Венгрии.¹⁰ Данный факт объяснялся прежде всего тем, что к 1914 г. более 30 % экспорта и 47 % импорта России приходилось на Германию.¹¹ Однако интенсивная антигерманская пропаганда в шовинистических и близких к правительству периодических изданиях (наподобие *Нового Времени*), призывы различных националистических союзов к бойкоту немецких товаров и, наконец, поражение русской армии в Восточной Пруссии изменили ситуацию.¹²

Уже 22 сентября (5 октября) 1914 г. последовал царский указ, запрещавший покупку или аренду земли представителям враждебных наций на период войны, а 15 (28) ноября того же года был принят закон, содержание которого сводилось к запрету на любые финансовые операции между российскими и иностранными подданными держав – противников империи Романовых.

Определенную роль в процессе перехода к экономической войне и разжигании германофобии в стране сыграла известная телеграмма верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича председателю Совета министров Горе-

⁸ Подр. о погромах немцев в Москве и других городах России см.: Lohr E. Nationalizing the Russian Empire. P. 31–54; Gatagowa L. «Chronik der Exzesse»: Die Moskauer Pogrome von 1915 gegen die Deutschen // Eimermacher K., Volpert A. (Hrsg.). Verführungen der Gewalt. S. 1085–1112.

⁹ Brändström E. Unter Kriegsgefangenen in Rußland und Sibirien 1914–1920. Berlin, 1927. S. 16; Kohn S. The Cost of the War to Russia: The Vital Statistics of European Russia during the World War. New Haven, CT, 1932. P. 37–41; Клеванский А. Военнопленные центральных держав в царской и революционной России (1914–1918) // Интернационалисты в боях за власть Советов. М., 1965. С. 23.

¹⁰ Аресты и высылка во внутренние районы России подданных враждебных государств началась уже в ночь на 18 (31) июля 1914 г., подр. см.: Нелипович С. Г. Репрессии против подданных «центральных держав». С. 32.

¹¹ Kahn H. Die Deutschen und die Russen. S. 81.

¹² О сатирических интерпретациях образа немца подр. см.: Filippowa T. Von der Witzfigur zum Unmenschen: Die Deutschen in den Kriegsausgaben von «Nowyj Satirikon» und «Krokodil!» // Eimermacher K., Volpert A. (Hrsg.). Verführungen der Gewalt. S. 267–296.

мыкину от 3 (16) октября 1914 г. Она содержала указания на многочисленные проявления жестокости со стороны германо-австрийских войск в прифронтовой полосе и требование к правительству о принятии ответных мер против подданных воюющих с Россией государств.¹³ Это означало резкое ужесточение отношения властей и к этническим немцам. Доказательством может служить мнение военного министра генерала от кавалерии Владимира Сухомлинова (впоследствии обвиненного в государственной измене), который на заседании правительства 17 (30) октября 1914 г. утверждал, что «русские немцы» помогают противнику в шпионаже, ведут революционную агитацию и даже организовали несколько забастовок накануне войны.¹⁴ Создание в ноябре 1914 г. особой межведомственной комиссии, в задачи которой входило расследование деятельности германских и австрийских компаний на территории России, означало возникновение юридических рамок для развертывания общенациональной «борьбы против немецкого засилья».

Законом от 11 (24) января 1915 г. все фирмы, принадлежавшие подданным враждебных России государств, закрывались впредь до особого указания. Через месяц, 8 (21) февраля, был введен запрет на куплю-продажу ценных бумаг, находившихся в руках этнических немцев. Наконец, с 1 (14) июля того же года аннулировались все совместные предприятия с участием капитала из Германии, Австро-Венгрии и Турции.

Однако наиболее печальную известность приобрели т.н. «ликвидационные законы» от 2 (15) февраля, 13 (26) декабря 1915 г. и 6 (19) февраля 1917 г., принятие которых означало фактическую конфискацию частной собственности «русских немцев», и прежде всего колонистов, кроме тех, кто принял православие или чьи близайшие родственники находились на службе в русской армии. Основанием для разработки и претворения в жизнь указанных юридических актов явилось мнение о подрывной деятельности немецких поселенцев в прифронтовой полосе. Как подчеркивалось в рапорте командующего Одесским военным округом генерала от инfanterии Михаила Эбелова на имя начальника штаба Верховного главнокомандующего Николая Янушкевича от 26 ноября (9 декабря) 1914 г., «колонии эти, несмотря на свое существование уже более века, живут настолько обособленно от коренного русского населения, что в общей своей совокупности на всем пространстве наших южных губерний являются готовой базой для германского нашествия».¹⁵

Можно привести конкретные примеры разорения многих германоязычных семей в России, последовавших после принятия «ликвидационных законов». Так, в январе 1916 г. некая Анна фон Кухенбах, супруга одного из колонистов, переселившихся из Германии в Кавказское наместничество за пятьдесят лет до начала Первой мировой войны, направила прошение о защите собственности своего мужа в упоминавшуюся межведомственную комиссию, которая к этому времени трансформировалась в комитет. Документ содержал нотариально заверенное свидетельство о том, что г-н фон Кухенбах получил российское подданство еще в 1887 г., и сведения о том, что он награжден несколькими медалями за вклад в развитие сельского хозяйства,

¹³ РГВИА, ф. 2005, оп. 1, д. 24, л. 3.

¹⁴ Цит. по: Нелипович С. Г. Генерал от инfanterии Н. Н. Янушкевич. С. 43.

¹⁵ РГВИА, ф. 2005, оп. 1, д. 28, л. 5–5об.

а незадолго до войны даже удостоен дворянского звания. Однако, несмотря на столь веские аргументы, прошение было отклонено, так как комитет пришел к заключению, что супруг А. фон Кухенбах и его семья «не смогли отказаться от немецкого образа жизни и сились с окружавшим их русским населением». Ирония заключалась в том, что оно представляло собой преимущественно грузин.¹⁶

Исполнение «ликвидационных законов» привело к тому, что десятки тысяч этнических немцев, проживавших в прифронтовых губерниях, были депортированы вглубь страны, прежде всего в Поволжье, Сибирь и Среднюю Азию. К началу 1917 г. около 120 тыс. немецких колонистов были отправлены в ссылку, а 500 тыс. га принадлежавшей им земли перешли в руки новых русскоязычных владельцев путем конфискации и последующей продажи на аукционах по заниженным ценам.¹⁷

1 (14) марта 1916 г. на своем заседании Совет министров следующим образом охарактеризовал политику ограничения прав и собственности этнических немцев: «В основе принятых мер лежал главный двойственный принцип: с одной стороны, они были направлены на вытеснение всех иностранных лиц и компаний враждебных государств из зоны возможных военных действий, а с другой – на освобождение экономической системы нашего государства от германского влияния».¹⁸

Еще более неблагоприятная ситуация складывалась для «русских немцев» в социально-политической сфере. Уже в первые дни войны были распущены их общественные объединения и союзы, прежде всего в Прибалтике, где они обладали значительной собственностью и контролировали частные школы. После 1 (14) апреля 1915 г. на территории России закрылись все без исключения немецкие гимназии.

Поражения 1915 г. привели к тому, что примерно 250 тыс. бывших немецких колонистов были переведены из частей, действовавших на западном фронте, для продолжения службы на Кавказ. По негласному предписанию Ставки началась повсеместная чистка офицерского корпуса от низового командного уровня до Генерального штаба, в котором к началу войны примерно 15 % личного состава составляли лица с немецкими фамилиями. О негативных последствиях этой кампании свидетельствует судьба таких генералов как Павел Ренненкампф и Павел Плеве.

Что касается процессов в идеологической и культурной областях, то общим сигналом к началу интенсивной антигерманской пропаганды стала речь Николая II, произнесенная им 22 июля (4 августа) 1914 г. перед гласными Московской городской думы. Немедленным результатом выступления царя явился погром, учиненный толпой на следующий день в уже закрытом германском посольстве при попустительстве полиции. С этого времени органы прессы начали оголтелую агитацию под германофобскими лозунгами, которые обосновывались «тевтонской опасностью» и жестокостями немцев в отношении населения оккупированных территорий, а позднее и российских военнопленных.

Справедливости ради следует сказать, что представители колонистов и других немецкоязычных подданных царя предпринимали попытки смягчить волну германофобии в прессе и на заседании Государственной Думы, подтверждением чему

¹⁶ РГИА, ф. 1483, оп. 1, д. 23, л. 24–35.

¹⁷ Schippa M., Striegitz S. Wolgadeutsche. S. 146.

¹⁸ Цит. по: Fleischhauer I. Die Deutschen im Zarenreich. S. 482.

явились многочисленные петиции с выражением лояльности новому Отечеству со стороны этнических немцев, которые выражали стремление не жалеть ничего для достижения победы в войне.

Но уже в августе – сентябре 1914 г. правительство ввело серию мер по искоренению германского влияния на культурную жизнь страны. Прежде всего, были переименованы полки, шефами которых являлись члены императорских фамилий Германии и Австро-Венгрии, затем населенные пункты, носившие до войны немецкие названия. Примером для всей России в этом отношении стала столица, которая из Санкт-Петербурга 23 июля (5 августа) превратилась в Петроград. На улицах городов и деревень, в общественных местах и на собраниях запрещалась немецкая речь, причем нарушители подвергались штрафу в сумме до 3 тыс. руб. или трехмесячному тюремному заключению. Дело дошло до того, что исполнение музыкальных сочинений таких классиков мирового значения, как Иоганн Себастьян Бах или Иоганн Штраус считалось непатриотичным поступком.

Как это обычно случается, некоторые особо ретивые чиновники доходили в стремлении искоренить все немецкое до абсурда. К примеру, куратор Петроградского образовательного округа запретил подведомственным учебным заведениям пользоваться географическими картами, схемами и другими пособиями, на которых имелись надписи на немецком языке. Другим проявлением этих настроений явилась высылка из столицы в Вятку изобретателя пулепропиваемой резины Я. П. Гусса, работавшего по заказу русской армии.¹⁹

Следующим шагом в ряду ограничений стало закрытие весной 1915 г. всех газет, издававшихся на немецком языке, и конфискация книг, предназначавшихся для этнических немцев.

И хотя многие протестантские пасторы, а также представители верхушки «русскоговорящих немцев» развернули впечатляющую деятельность по организации помощи фронтовикам и раненым воинам (например, в рамках «Комитета евангелических полевых лазаретов в Москве»), это не спасло некоторых из них от высылки в Сибирь.

Имеющиеся документы позволяют прийти к выводу, что германофобские настроения в русском обществе относительно т.н. «прусскофильской партии» в ближайшем окружении Николая II достигли кульминации осенью 1915 – зимой 1916 гг., когда центральным объектом германофобии внутри страны стала царица Александра Федоровна. Иллюстрацией служат многочисленные анекдоты о наследнике Алексее, получившие большое распространение в этот период, как, например, следующий: «Если русских бьют – плачет папа, если немцев – плачет мама, когда же плакать мне?» – недоумевал царевич.²⁰

Нет необходимости доказывать абсурдность подобных слухов. Достаточно привести высказывание Александры Федоровны, сделанное в беседе с домашним вос-

¹⁹ О других случаях излишнего «усердия» царских чиновников подр. см.: Нелидович С. Г. Репрессии против подданных «центральных держав». С. 38–39.

²⁰ Цит. по: Heresch E. Nikolaus II: «Feigheit, Lüge und Verrat»: Leben und Ende des letzten russischen Zaren. München, 1992, S. 223. О распространении слухов, порочащих императрицу и всю семью Романовых в 1915–1916 гг. см.: Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 289–313.

питателем детей Пьером Жильяром под впечатлением известия о начале войны: «Пруссия – это несчастье для Германии и России. Гогенцоллерны несут всем гибель. Я больше не знаю моей страны».²¹

Вопросами координации антигерманской деятельности в России на протяжении 1914–1917 гг. занимались три организации: во-первых, думская «Комиссия по борьбе против немецкого превосходства во всех областях русской жизни», занимавшаяся в основном юридическими вопросами; во-вторых, межведомственный «Комитет по борьбе с немецким засильем», который проводил расследования «экономических преступлений» этнических немцев; и, в-третьих, «Общество 1914 г.», известное также как «Общество против германского господства в России», стоявшее в рядах главных защитников «неповторимого культурного своеобразия славянских народов».

Февральская революция явилась первым шагом по прекращению германофобии в России. 20 марта (2 апреля) 1917 г. Временное правительство приостановило действие «ликвидационных законов», провозгласив на следующий день равноправие граждан независимо от национальной принадлежности и вероисповедания. Вскоре возобновился выпуск периодических изданий на немецком языке, а в сохранившихся к этому времени местах компактного проживания этнических немцев началась лихорадочная деятельность по организации Всероссийского союза граждан немецкой национальности, во главе которого стояли менониты. Результатом явилось проведение в Москве с 20 по 22 апреля (3–5 мая) того же года «Совещания колонистов и сельских хозяев», которое приветствовало деятельность новых демократических властей России и высказалось за подготовку съезда немецкоязычных граждан. Однако сделать это до прихода к власти большевиков так и не удалось.²²

Весной-летом 1917 г. значительное количество колонистов предприняло попытки возвратиться в те места своего исконного проживания, откуда они были депортированы в 1915–1916 гг. Однако Временное, а затем и большевистское правительства весьма сдержанно отнеслись к призывам лидеров этнических немцев пересмотреть прежние распоряжения царских властей о выселении колонистов и горожан германо-австрийского происхождения.²³

После заключения Брестского мира и особенно в ходе начавшейся Гражданской войны большинство этнических немцев сражалось на стороне белых против красных и т.н. зеленых (например, анархистских формирований Нестора Махно на Украине), хотя значительная часть военнопленных Центральных держав встали на сторону Советской власти в рядах т.н. интернационалистов. Статистические данные говорят о том, что политика царского правительства и военные действия нанесли многим ранее процветавшим немецким колониям в России невосполнимый ущерб.

²¹ Heresch E. Nikolaus II. S. 223–224.

²² Fleischhauer I. Die Deutschen im Zarenreich. S. 532. Подр. о германофобии в России после Февральной революции 1917 г. см.: Kolonizkij B. Metamorphosen der Germanophobie: Deutschland in den politischen Konflikten der Februarrevolution von 1917 // Eimermacher K., Volpert A. (Hrsg.). Verführungen der Gewalt. S. 121–144.

²³ Нелипович С. Г. Генерал от инфантерии Н. Н. Янушкевич. С. 52–53.

С 1918 по 1921 г. более 120 тыс. этнических немцев покинули ее, чтобы вернуться в Германию.²⁴

Изучение восприятия Германии и немцев в России позволяет сделать ряд заслуживающих внимание выводов. Первый из них заключается в том, что двумя периодами наиболее сильного проявления антигерманских настроений в российском обществе стали осень 1914 и весна – лето 1915 гг., то есть месяцы самых тяжелых поражений царской армии. В гораздо меньшей степени проявления германофобии отмечались в июле 1917 г. при провале последнего наступления русской армии, хотя в некоторых городах повторилась ситуация мая 1915 г.²⁵ Далее подчеркнем, что практически все социальные слои Российской империи преследовали определенные интересы в пресловутой кампании против «немецкого засилья». Дворянство опасалось перспективы эвентуального перехода своей земельной собственности в руки колонистов и богатых немецкоязычных горожан, скупавших имения перед войной в большом количестве. Промышленники и торговцы испытывали серьезную конкуренцию со стороны деловитых, оборотистых немцев, которым было проще получить кредиты западных банков и наладить товарообмен с европейскими странами. Крестьяне рассчитывали поживиться за счет раздела земельных владений крупных собственников вообще и преуспевающих этнических немцев в частности. Что же касается рабочих и представителей городских низов, то они всегда были готовы принять участие в акциях под лозунгом «Грабь награбленное». Даже русская интеллигенция, традиционно весьма толерантная к инокультурным социумам, была захвачена волной шовинизма и борьбы с «машинно-истребительной цивилизацией Германии».

В качестве объяснения распространения германофобии можно утверждать, что ни авторитарному царскому режиму, ни сменившему его демократическому Временному правительству не удалось сплотить формирующееся гражданское общество в России на принципах «вооруженной нации» для эффективного ведения войны, что и вызвало необходимость в создании образа «тевтонских монстров» на фронте и «коварной пятой колонны предателей и шпионов» в тылу «победоносной русской армии».

В итоге германофobia, волны которой распространились по территории всей Российской империи, оказала серьезное негативное воздействие на организацию ее политической и экономической жизни, ускорив распад государственного здания империи в конце 1916 – начале 1917 гг. Так, преследования «внутренних немцев» постепенно трансформировалось в борьбу против «внутреннего врага», а в области хозяйственных отношений массовые депортации этнических немцев привели к перебоям в работе транспорта, снижению объемов сельскохозяйственного производства, нарушению нормальной жизни в тыловых губерниях России, куда направлялся поток переселенцев и беженцев из западных районов империи.²⁶

²⁴ Krammer A. Soviet Propaganda among German and Austro-Hungarian Prisoners of War in Russia, 1917–1921 // Essays on World War I: Origins and Prisoners of War / S. Williamson, P. Pastor (eds). New York, 1983. P. 239–264.

²⁵ Brändström E. Unter Kriegsgefangenen in Rußland und Sibirien 1914–1920. S. 188.

²⁶ См., напр.: РГВИА, ф. 2049, оп. 1, д. 435, л. 36–37.

Но, пожалуй, большего внимания заслуживает тот факт, что негативное восприятие всего немецкого в конечном счете привело к радикализации менталитета самых широких слоев населения России, вызвав к жизни такие явления как массовые pogromы и насилия в отношении мирных жителей. Именно в них следует видеть один из истоков как «белого», так и «красного» террора периода Гражданской войны 1918–1922 гг.

Наконец, следует признать, что проявление антигерманских настроений в годы Первой мировой войны стало частью общего духовного кризиса российского общества, не преодоленного до конца и сегодня. Его проявления в XX в. связаны с распространением ксенофобии, внутренними этническими чистками и созданием «железного занавеса», который надолго изолировал Россию от остального мира.